

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/310465723>

Ethnic Languages as Values and Anti-Values: a Belarusian Variant [Этнические языки как ценности и антиценности: белорусский вариант"]

Chapter · October 2016

CITATIONS

0

READS

163

1 author:

[Olga Laguta](#)

National Chengchi University

28 PUBLICATIONS 0 CITATIONS

[SEE PROFILE](#)

Some of the authors of this publication are also working on these related projects:

"Slavica Formosana", 2016, vol. 1 (ed.) [View project](#)

Этнические языки как ценности и антиценности: белорусский вариант*

Лагута О.Н.**

Аннотация

Доклад посвящен результатам языковой политики, проводимой государственными и религиозными институтами на территории Республики Беларусь (РБ). Отмечается, что изучение языковой ситуации в Беларуси — полиэтнической стране, находящейся на пересечении *Rex Slavia Orthodoxa* с *Rex Slavia Latina*, — связано с преодолением ряда трудностей, вызванных неравносностью поликомпонентной языковой ситуации в республике. Этнический язык как ценность или антиценность в современной Беларуси рассматривается в связи с политической, культурной и религиозной сферами общественной жизни.

Ключевые слова: *Беларусь, языковая политика, языковая ситуация, конфессиональная ситуация, ценности.*

---

* Статья прошла рецензирование 15. 8. 2016.

** Профессор факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи.

Ethnic Languages as Values and Anti-Values: a Belarusian Variant*

Laguta O.N.**

Abstract

The paper is devoted to the results of the language policy of the state and religious institutions in the Republic of Belarus (RB). The research of the language situation in Belarus — a polyethnic country, located at the intersection of Pax Slavia Orthodoxa and Pax Slavia Latina — is associated with overcoming of some difficulties caused by the multicomponent linguistic imbalance in the Republic. Ethnic languages as values or anti-values are related to the modern Belarusian political, cultural, and religious spheres of public life.

Keywords: *Belarus, language policy, language situation, religious situation, values.*

---

* Accepted: August 15, 2016.

**Professor, Dept. of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi University.

0. Введение.

В докладе, с учетом обобщения уже имеющихся трудов, представлена часть результатов полевого исследования языковой ситуации в Беларуси, проведенного в августе 2015 г.¹ Одной из задач исследования был поиск ответа на вопрос, имеют ли этнические языки этой страны ценностный характер для своих носителей, а если имеют, то какой — реальный или декларируемый. Основными методами исследования стали метод непосредственного наблюдения над публичной и обиходной письменной и устной речью с регистрацией явлений и фактов (особое внимание обращалось на связь сфер общения с литературными и региональными вариантами сосуществующих языков) и корреляционный анализ.

0.1. О понятии «этнический язык».

Простое и логичное, казалось бы, объяснение терминосочетания *этнический язык* как «язык этноса» наталкивается на хорошо известные специалистам «подводные камни».

Во-первых, в этническом отношении Республика Беларусь (РБ) довольно многолика: на ее территории проживают представители около 140 этносов, и в десятку наиболее многочисленных национальностей, кроме белорусов, русских, поляков, украинцев, также входят евреи, армяне, татары, цыгане, азербайджанцы и литовцы, см. ниже табл. 1, диаграм. 1. Напомним, что Белорусская Народная Республика была провозглашена в 1918 г., а в январе 1919 г. в Смоленске провозгласили образование Советской Социалистической Республики Белоруссия, месяцем позже ее территорию расширили за счет Литвы и объявили уже об образовании Литбела (Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики). Возможным было и создание Советского Литбелпола, если бы через полгода большую часть Белоруссии и Литвы не заняли польские войска. Позднее территорию Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) расширили за счет передачи Витебской, Гомельской и части Смоленской области. До 1939 г. в Витебской и Могилевской областях Беларуси существовали польские автономные области с польскими школами, СМИ. После раздела Польши в 1939 г. к Беларуси отошла Белостокская область с преимущественно польским же населением, однако после Второй мировой войны СССР вернул белостокские земли Польше. В постсоветский период сформировавшуюся на этих территориях языковую ситуацию долгое время не усложняла иммиграция, но в последние годы иммиграционные потоки усилились².

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Language and Cultural Construction in the Post-Soviet States at the Beginning of the XXI Century», поддержанного грантом MOST 103-2410-H-004-0.

² Подробнее см.: *Национальная программа демографической безопасности Республики*

Что представляют собой в такой многонациональной стране этнические языки с богатой книжно-письменной традицией, если они в течение веков — компоненты постоянно варьируемой языковой ситуации и если для подсистем большинства из них характерна еще и многовековая диглоссия, например в «сакральной» и «профанной» коммуникации? Кроме того, белорусский, русский, польский и другие языки не только не являлись лексическими и грамматическими константами-«монолитами» в различных сферах употребления, но и их подсистемы менялись за века с разной «скоростью». Как результат, некоторые тексты на церковнославянском языке западнорусского извода, иногда отождествляемого со старобелорусским языком, по-прежнему востребованы в определенных религиозных общинах Беларуси³, тогда как в приходском общении этими же верующими употребляются современные региолекты, трасянка, естественно, существенно отличающиеся от старобелорусского.

Жители Беларуси используют разные средства общения, и описание этих средств открывает широкие перспективы перед лингвистами для терминотворчества. Один из вариантов терминосистем международной социолингвистики упоминается составителями российского «Словаря социолингвистических терминов»: «язык, используемый на всей территории проживания языковой общности, называется *панлект* (*panlect*), на большей части территории — *макролект* (*macrolect*), на маленькой ее части — *микролект* (*microlect*); родной язык — *эндолект* (*endolect*), чужой язык — *экзолект* (*exolect*), язык всего народа данной местности — *демолект* (*demolect*), одного из регионов — *хоралект* (*choralect*), этнической группы — *этнолект* (*ethnolect*)... (Brann 1989)»⁴. Однако термин *этнолект* используется и в другом значении, тоже отмеченном в этом словаре, а именно как обозначение результата контактирования языка с другими языками, полученного «под воздействием постоянной системной интерференции»⁵. С учетом близкородственных отношений этнолектный характер приобретают в Беларуси даже литературная белорусская и русская речь.

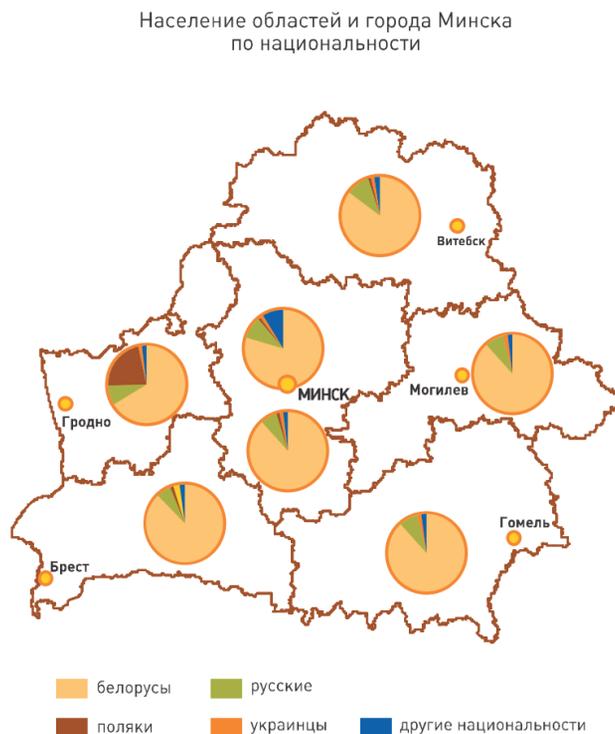
Беларусь на 2011–2015 гг. // Web. demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/pdf/nac_prog.pdf. Accessed May 5, 2015; Аламшиев О.А. Интеграция иммигрантов из исламских стран в белорусское общество // *Социология*. 2013. № 2; *Информация о миграционной ситуации в Республике Беларусь* // Web. <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=9871>. Accessed May 20, 2016.

³ Например, переизданный в Минске в 2005 г. протестантский «*Катехизис*» С. Будного. О нем см. в: Акинчиц С. У истоков белорусского баптизма // *Крыніца жыцця*. 2005. Web. http://www.krinica.org/6/255_1.shtml. Accessed May 20, 2015.

⁴ *Словарь социолингвистических терминов* / Под ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 11-12.

⁵ Там же. С. 35.

**Диаграмма 1. Население областей и города Минска по национальностям
(по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь
2009 г.)**

Панлекты могут быть востребованы далеко за пределами своих метрополий, трансформируясь и в демолекты, и в хоралекты, ведь границы расселения этносов и лингвистические ареалы на картах, как правило, не совпадают: русский, белорусский, польский языки — это языки соответственно не только этнических русских, белорусов и поляков, живущих на постсоветском пространстве и в так называемом дальнем зарубежье. В наши дни редко встречаются полностью монолингвальные народы, однако монолингвальность провозглашается часто целью языковой политики, особенно в эпохи «этнической мобилизации»⁶ и ускоренного нацие- и государственного строительства. В Беларуси, как и в других постсоветских странах, наблюдается ситуация, в которой этнические белорусы, литовцы, поляки, украинцы, евреи, татары и др. объявляют эндолектом русский. Например, польское население современной РБ составляет, по данным последней

⁶ Губогло М.Н. *Языки этнической мобилизации*. М.: Языки славянской культуры, 1998; Кузванова О.Ю. Проблема государственных языков в свете концепта этнической мобилизации // *Исторические, философские, политические и юридические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 9-2 (35).

Переписи, 130 615 человек, но из них лишь 5 931 говорят по-польски, а 74 887 — по-белорусски и 46 267 — по-русски. Другими словами, в ситуации пограничья «расширяются “границы” понятия “родной язык” за счет активного использования белорусского и русского языков». Так, «на территории белорусско-литовского пограничья сокращается количество городского и сельского литовского населения, которое активно использует национальный язык. При этом городское литовское население отдает предпочтение русскому языку, а не белорусскому. В областях РБ, граничащих с Литвой, самый высокий уровень языковой ассимиляции характерен для поляков, татар, украинцев и литовцев. Во всех районах белорусско-литовского пограничья, кроме Браславского и Гродненского, городское и сельское население считает родным белорусский язык, в Браславском и Гродненском — русский»⁷. Но лексикон белорусского русского языка, по понятным причинам, не включает многие из слов, например, казахстанского русского, кыргызстанского русского и др. вариантов русского панлекта.

Таблица 1. Национальный состав Республики Беларусь⁸

	1999	2009
Белорусы	81,2	83,7
Русские	11,4	8,3
Поляки	3,9	3,1
Украинцы	2,4	1,7
Другие национальности	1,1	0,9

Панлектный характер свойствен и конфессиональным языкам, не имеющим этнических границ, но в обыденном сознании соотносимым с определенными этносами: церковнославянскому, связываемому с «русскими», латыни — с «поляками», ивриту — с «евреями», арабскому — с «татарами», хотя и поляки, и евреи, и татары, и др. могут быть, например, православными и использовать церковнославянский как язык богослужений.

Русские, белорусские, польские хора- и региолекты развиваются в среде других этносов, как в условиях их собственных диаспор, так и на территориях метрополий, однако для лингвистов привычнее соотносить с понятием «родной язык» только термин этнолект. С большой долей условности этот термин используется и нами.

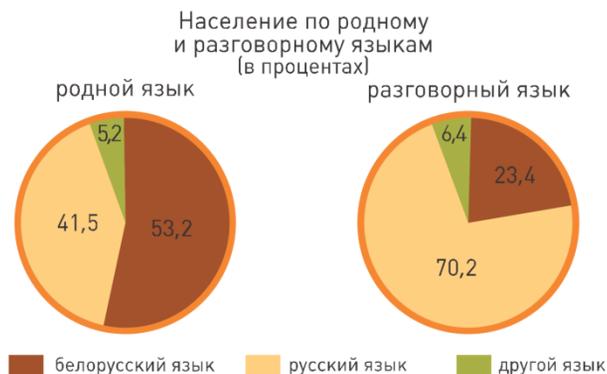
⁷ Чуханова А.В. Соотношение понятий «родной язык» и «национальный язык» в условиях белорусско-литовского пограничья // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2013. № 17. С. 155.

⁸ По данным в: *Перепись населения Республики Беларусь 2009 года*. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010. С. 8.

Межэтнолектная дистрибуция в РБ следующая, см. диаграмм. 2.

Диаграмма 2. Межэтнолектная дистрибуция в Беларуси: этнолекты (родные языки) vs. языки повседневного общения

(по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь 2009 г.)

Все языки в разной мере участвуют в формировании неравновесной поликомпонентной лингвистической ситуации в Беларуси. Усиливается в ней и влияние английского языка, традиционно связываемого с кругом индивидуальных экономических ценностей: его знание ценится работодателями, способствует лучшему позиционированию говорящих на международном рынке труда.

0.2. Язык как ценность.

С одной стороны, язык как социально-значимая категория исключен из многих интернациональных проектов, исследующих ценностные доминанты. Так, ни слова о языке нет в самом масштабном международном аксиологическом проекте — «World Values Survey», который охватывает исследование каких угодно ценностей, но только не связанных с языками⁹. Не упоминаются языковой баланс и языковые свободы как ценности и в «Human Development Report»¹⁰ [2015], согласно последним рейтингам которого, Беларусь, как и Россия, занимает не самое плохое — 50-е — место в мире. То, что кажется очевидным филологам и культурологам, отнюдь не очевидно для многих политиков, законодателей, бизнесменов и представителей других социально значимых профессий. Например, во Всеобщей декларации прав человека язык упоминается лишь единожды и в «кваликативном» контексте ст. 2: «Каждый человек должен обладать всеми

⁹ Web. <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>. Accessed May 20, 2015.

¹⁰ Web. http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf. Accessed May 20, 2015.

правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения»¹¹.

С другой стороны, темы «языка предков» и «веры предков» — своеобразных маркеров этнической идентичности — включены в фокус многих этнологических и социолингвистических исследований, и попытки соотнести этнологические и социолингвистические категории с аксиологическими ориентирами в последние десятилетия неоднократно предпринимались в отношении речевого поведения как оседлых коренных народов¹² и желающих натурализоваться в их среде иммигрантов¹³, так и кочевников. Ряд трудов посвящен этнолектам «островных»

---

¹¹ Цит. по: Web. <http://www.un.org/ru/documents/udhr/>. Accessed May 20, 2015.

¹² См.: *Изучение и преподавание русского языка как национально-культурной ценности*: Материалы научно-методической конференции / Науч. ред. Стернин И.А. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1997; Стернин И.А. Русский язык как национально-культурная ценность: новый подход в обучении русскому языку // *Вестник ВОИПКРО*. 1999. № 4 (1); Smolicz J.J. & Radzik R. Belarusian as an Endangered Language: Can the Mother Tongue of an Independent State be Made to Die? // *International Journal of Educational Development*. 2004. September; *Русский язык как интеллектуальная ценность и как учебный предмет*: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2008; *Калмыцкий язык как интеллектуальная ценность и учебный предмет*: Материалы республиканской научно-практической конференции. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2009; Головкин Ж.С., Свистунова А.С. & Степанова О.А. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность // *Молодежь и кооперация: реальность и будущее*: Материалы международной научной конференции. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2011; Aikhenvald A. The Value of Language and the Language of Value: A View from Amazonia // *HAU Journal of Ethnographic Theory*. 2013. September; Яковлева Е.В. Дилеммы системы вуз: язык как ценность vs языка как способа коммуникации // *Гуманитарний вісник Запорізької державної інженерної академії*. 2013. № 53; Dupré J.-F. The Mother Tongues as Second Languages: Nationalism, Democracy and Multilingual Education in Taiwan // *Current Issues in Language Planning*. 2014. June; Шабыков В.И. & Кудрявцева Р.А. Родной язык как этническая ценность марийцев (гендерный аспект) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-2 (46); Мальцева Н.А. Коми-пермяцкий язык как историко-культурная ценность // *Новое в науке: современные проблемы и тенденции*: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. А.И. Вострецова. Б.м., 2015; и мн. др.

¹³ См.: *Heritage language education: A new field emerging* / Ed. by D.M. Brinton, O. Kagan, & S. Bauckus. New York: Routledge, 2008; Grenier G. & Nadeau S. English as the Lingua Franca and the Economic Value of Other Languages: the Case of the Language of Work of Immigrants and Nonimmigrants in the Montreal Labour Market // *Cahier de recherché*. 2011. № 1107E. Web. <http://www.rdc-cdr.ca/english-lingua-franca-and-economic-value-other-languages-case-language-work-immigrants-and-non>. Accessed May 20, 2015; Wu M.-H., Lee K., & Leung G. Heritage Language Education and Investment among Asian American Middle Schoolers: Insights from a Charter School // *Language and Education*. 2014. № 28(1); Seals C.A. & Peyton J. K. Heritage

поселенцев, компактно проживающих в иноязычном окружении или на пограничных территориях¹⁴. В условиях децентрализации государственных союзов (СССР, Югославии, Чехословакии, а в последнее время — и Европейского Союза¹⁵) этническим языкам приписываются статусы индивидуальных и коллективных ценностей: собственно этнических, национально-культурных, историко-культурных, духовно-религиозных, политических, интеллектуальных, образовательных, экономических.

Большинство исследователей склоняются к мысли о том, что однородные объекты приобретают ценностную значимость только при сопоставлении друг с другом по признакам качества, количества, функциональности и т.д. Как пишет В.А. Маслова, «чтобы объект обладал ценностью, нужно, чтобы человек осознавал наличие в нем таких свойств. Способность устанавливать ценность объектов связана с образованием в уме человека ценностных представлений»¹⁶. И здесь опросы в РБ дают очень интересные результаты. По данным общереспубликанского исследования, проведенного в июне 2013 г. Институтом социологии Национальной Академии наук Беларуси, «фактором, наиболее объединяющим жителей Беларуси, названо гражданство (91,3 %), свидетельствующее о факте принадлежности человека к той или иной социальной общности — государству. Значимость культуры, традиций отметили 86 % респондентов. Они оцениваются населением выше, чем национальность, происхождение (84,3 %), патриотизм (81,1 %), общая история (85,8 %), религия (78 %), менталитет (78,2 %), язык (76,8 %). Язык, как одно из условий идентификации себя с белорусским этносом, не является определяющим фактором. Об этом свидетельствуют также данные исследований белорусского ученого Л.И. Науменко, которой среди наиболее значимых факторов белорусской идентичности выделены гражданская принадлежность, любовь к Беларуси, знание и уважение белорусской культуры. Знание и использование белорусского языка как идентифицирующий фактор, по данным исследователя,

---

Language Education: Valuing the Languages, Literacies, and Cultural Competencies of Immigrant Youth // *Current Issues in Language Planning*. 2016. DOI: 10.1080/14664208.2016.1168690. Accessed May 20, 2016.

¹⁴ *Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры* / Отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011; Аязбекова С.Ш. Язык и письменность как средства сохранения и передачи культурных ценностей во времени и пространстве (на примере тюркского языка и орхоно-енисейской письменности) // *Language Means of Preservation and Development of Cultural Values: LXX International Research and Practice Conference* / Ed. by V. Pavlov. 2013; Kryszyn T. Język polski na Białorusi // *Acta Baltico-Slavica*. 2015. July.

¹⁵ Неслучайно одним из часто упоминаемых вопросов в социолингвистических дискуссиях в последнее время стал «Усилят ли позиции немецкий и французский языки в Европе, если Великобритания выйдет из ЕС?»

¹⁶ Маслова В.А. *Лингвокультурология*. М.: Академия, 2001. С. 13.

отмечают менее 9 % опрошенных (выделено нами. — О.Л.)»¹⁷. Как видим, этнический язык белорусами считается, скорее, ценностью личной, чем коллективной, а государственная идентичность — более важной, чем этническая.

Со времен Белорусской Народной Республики и вплоть до 1990-х гг. в культурном и политическом дискурсах Беларуси отразились различные идеи по поводу национальной самоидентификации — от проектов кривицкого и великолитовского национализма до проекта неосоветской белорусской нации, «однако общего и цельного концептуального представления о белорусском проекте национального государства так и не было создано, и до сих пор в интеллектуальном поле существуют лишь сепарированные концепции, затрагивающие не более чем отдельные уровни идеологии», хотя возможно и понимание «белорусской нации как проекта модерна, согласно которому белорусский этнос слишком поздно встал на путь национальной консолидации»¹⁸.

Может ли в таких «размытых» условиях нациестроительства какой-либо этнический язык стать ценностной категорией для всех участников и субъектов языковой политики? Если судить по количеству высказываний граждан Беларуси о значимости белорусского, русского, польского и других языков, то определенные ценностные представления о них в общественном сознании уже сформированы. Проблемы возникают тогда, когда политики — носители этих языков — приписывают им коллективный ценностный или антиценностный характер, не соотнося его с реально существующими системами личных ценностей у большинства населения. Конфликты между декларируемым и реальным в сфере языкового строительства проявляются очень ярко и всегда болезненно, ведь ценностный статус эндолектов чаще всего декларируется как положительный, а экзолектов, соотносимых с областью «чужого», — как отрицательный. Что считать эндо- и экзолектом в условиях их очень длительного сосуществования на одной территории, многократно менявшей государственный статус, часто становится предметом политических споров (и даже фейк-лингвистических «штудий»).

0.3. Подсистемы этнического языка как ценностные и функциональные категории.

Этнические языки охвачены вариативностью на уровне государств и их регионов, причем границы хоралектов часто не совпадают с административными границами: хоралект может быть общим по обе стороны государственной границы.

---

¹⁷ Цит. по: Русецкая В.И. Особенности социокультурной идентичности белорусов // *Социологический альманах*. 2014. № 5. С. 261-262.

¹⁸ Давыдик О.И. Белорусское национальное самосознание на современном этапе: проблема поиска методологических оснований исследования // *Вестник Полоцкого государственного университета*. Серия Е: Педагогические науки. 2013. № 15. С. 83.

Возможно, лучше использовать термин региолект¹⁹, если речь идет об одном из хоралектов в административных границах конкретного государства. На необходимость ввода термина, описывающего региональные варианты языков, распространенных, в частности, на территории Витебской области, указывает и В.А. Маслова, полагая, что в первой четверти XXI в. речь не может идти о диалектах как о «явлении, в целом свойственном другой исторической формации», и что в настоящее время происходит трансформация былых диалектов в местную региональную речь. Региональный язык предлагается считать самостоятельным лингвистическим феноменом, характеризующимся неустойчивостью, проявляющимся в определенных языковых ситуациях и находящимся между литературным языком и диалектом²⁰. Заметим, что трасянке²¹ одни исследователи приписывают статус транскода, в том числе и потому, что она распространена повсеместно, но неравномерно²², а другие — региолекта²³.

Строго говоря, об аксиологическом статусе того или иного этнолекта можно судить только по результатам его разнообразных функциональных проявлений и общественного или индивидуального отношения к ним, а потому проблема «язык *L* как ценностная категория» трансформируется в «этнический язык *L* в функции *n* как ценность / антиценность». Однако, с учетом регионального и других видов варьирования того или иного этнолекта, проблема может быть сведена к решению еще более частных вопросов, например: «региолект/социалект/диалект языка *L*, используемый в коммуникативной сфере *a* в функции *n*, как ценность / антиценность» и т.д.

Отдельные функции речи — познавательная и метаязыковая, регулятивная, эмоционально-экспрессивная, эстетическая, этническая, магическая — можно

---

¹⁹ Региолект понимается как речь «жителей средних и малых городов, в которой в значительной мере ощущается влияние местных говоров и присутствуют следы просторечия. От местного территориального диалекта региолект отличается тем, что распространен на большей территории — в группе крупных городов, расположенных недалеко друг от друга. От речи, наблюдаемой в больших городах, региолект отличается относительное единообразие, поскольку его основные носители — местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений» (цит. по: *Словарь социолингвистических терминов*. С. 180). Ниже в формуле индексом *R11* обозначаются русские региолекты, *R12* — белорусские, *R13* — польские.

²⁰ Маслова В.А. Витебская региональная лингвистика или диалектология? К проблеме варьирования языка // *Наука — образованию, производству, экономике: Материалы XXI Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов* / Гл. ред. И.М. Прищепа. Витебск, 2016.

²¹ Далее в формуле обозначается как *T*.

²² Калита И.В. *Современная Беларусь: языки и национальная идентичность*. Ústí nad Labem, 2010.

²³ Stern D. Trasyanka and Regiolectalization of Russian in Belarus // *Zeitschrift für Slawistik*. 2013. № 58(2). January.

рассматривать как особые частные проявления основной функции языка — коммуникативной²⁴, и поскольку функционирование языка коррелируется со сферами его употребления, в аспекте языкового планирования функции могут быть соотнесены с научной, образовательной, кодификаторской, политической, культурной, религиозной и другими сферами языковой политики. Соответственно этнолект может выступать как интеллектуальная, политическая, культурная, духовно-религиозная и пр. ценность.

Но на практике встречаются функциональные подмены. Предлагается считать, например, что «формирование отношения к родному языку как ценности» «главной задачей современного образования, прежде всего филологического (шире — гуманитарного)», поскольку «именно язык служит объединяющим началом для всех носителей данного языка, независимо от их возраста, образования, социального статуса, имущественного положения»²⁵. Подобного рода высказывания, естественно носят исключительно декларативный характер: думается, главной задачей любого образования является овладение соответствующими знаниями, а не формирование отношения к родному языку.

Однако дополнительные вопросы при этом все равно остаются: функционирование *L* в коммуникативной сфере а является ценностью / антиценностью для кого? Для каждого рядового носителя *L* — говорящего/пишущего гражданина страны *c*? Или только для группы ее граждан? Или для представителя властных структур страны *c*, который в силу исторически сложившихся обстоятельств может использовать даже в официальных ситуациях не *L*, а совсем другой язык в качестве металека? Или для представителя политической оппозиции, чьи дети получают образование на языке далекой от *c* страны, но сам он при этом декларирует с высоких трибун свою приверженность языку *L*? И что такое *L* как этнолект для него лично?

Вариантов ответов на эти вопросы может быть множество, ведь в полилингвальных сообществах, как и в монолингвальных с конкурирующими системами или подсистемами (например, литературный стандарт vs региолект/диалект/социолект), главными ценностными ориентирами при характеристике этих систем и подсистем выступают: 1) их престижность / непрестижность в глазах самих говорящих; 2) их соотносимость говорящими с этноидентичностью и государственной идентичностью (что далеко не одно и то же).

---

²⁴ Мечковская Н.Б. *Социальная лингвистика*. М.: Аспект-Пресс, 2000.

²⁵ Самойлова Г.С. Язык как ценность: научное наследие Н.Д. Русинова и современность // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2013. № 6-2. С. 214.

1. Языковая политика: монолингвализм vs немонолингвализм.

Ценностные характеристики языков неустойчивы, зависимы от главного направления и сопутствующих ему условий языковой политики — как государственной, так и негосударственной (в интересующем нас случае — политики конфессиональных групп).

Беларусь, став независимой, оказалась перед выбором магистрального направления в государственном языковом планировании: монолингвального или немонолингвального. Как известно, полиэтнические соседи РБ — страны Балтии — активно применили в сфере монолингвальной языковой политики модель «этнической демократии», разработанную израильским социологом S. Smooha²⁶, которую формально можно представить как поддержку такой языковой ситуации:

$$m-LS = StandL,$$

Где *m-LS* — монолингвальная языковая ситуация. Таким планированием поддерживается только один *StandL* — языковой стандарт (от *standard language*), или литературный вариант языка; в редких случаях поддержка оказывается и диалектам. Например, эстонский язык национально ориентированными политиками декларируется как коллективная этническая, национально-культурная, историко-культурная, политическая, интеллектуальная, образовательная ценность. Для большинства эстонцев это также реальная личная ценность²⁷. Эстонский политолог P. Järve даже считает, что система «этнической демократии» должна «консервировать» положение, при котором практически все стороны жизни в государстве эффективно контролируются только одним этносом, несмотря на то что во введении к эстонской Конституции сказано буквально следующее: народ Эстонии (то есть все этносы) принял конституцию эстонского государства, которая должна гарантировать сохранение в веках эстонской нации (то есть только одного из всех этих этносов)²⁸. Назвать подобный подход демократичным сложно, налицо «лингвистический тоталитаризм» властей, хотя и характеризуемый ими как «оборонительный» в условиях депопуляции. Кроме того, в эстонском языковом планировании не был учтен тот факт, что особую экономическую ценность в регионе имеют не только эстонский и английский языки, но и русский.

Признание же того, что государственнообразующий этнос может быть

---

²⁶ *The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe* / Ed. by Smooha, S. & Jarve, P. Budapest: Open Society Foundation, 2005.

²⁷ Что, конечно, не мешает некоторым эстонцам, в частности президенту страны Тоомасу Хендрику Ильвесу, называть любимыми русских писателей, см.: *Президент Эстонии: Русскоязычные не хотят стать частью России* // Web. <http://www.dw.com/ru/>. Accessed May 20, 2015.

²⁸ Järve P. Ethnic Democracy and Estonia: Application of Smooha's Model // *European Center for Minority Issues*. Paper № 7. Flensburg: ECMI, 2000.

немонолингвальным, как правило, требовало от строителей новых независимых постсоветских государств не только наличия здравого смысла, но и определенного политического мужества. Однако, в отличие от эстонцев, у белорусов имелись все исторические основания следовать демократическому полилингвализму: до 1936 г. официальными языками республики были белорусский (в записях формул далее — $StandL_2$ де факто), русский ($StandL_1$ де факто), польский ($StandL_3$ де факто) и идиш. Руководство постсоветской РБ поступило мудро, поскольку, в отличие от руководств некоторых соседних государств, учло и этот исторический опыт, и особенности реальной языковой ситуации, и возможные ресурсные финансовые и трудовые потери в случае резкого изменения направления планирования. Не секрет, что в 1989–1994 гг. в республике наблюдалась ускоренная белорусизация, однако после общенародного референдума 1995 г. была выбрана модель языкового планирования, условно обозначаемая специалистами как «ирландская», хотя некоторые белорусские политики и исследователи довольно критично, если не негативно, отнеслись и к самой идее необходимости подобного референдума, и к полученным результатам голосования. «Ирландская» модель ориентирована на реальную немоналингвальную ситуацию (далее — $p-LS$) с постепенным приведением фактических позиций конкурирующих литературных языков в соответствие с их юридическим статусом:

$$p-LS = StandL_1 + StandL_2 + HE,$$

Где L_1 де факто — английский панлект, а L_2 де факто — ирландский язык; де юре первым официальным языком является ирландский; HE — гиберно-английская речь (Hiberno-English).

Пока ситуация еще далека от того, чтобы считаться хотя бы равновесной. В силу известных исторических причин ирландский язык до сих пор менее употребителен в Ирландии, чем английский, хотя, согласно ст. 8 Конституции Ирландии 1937 г., то есть периода доминирования, «1. Ирландский язык как государственный язык является первым официальным языком. 2. Английский язык признается вторым официальным языком». При этом программы сохранения ирландского языка пользуются поддержкой на правительственном и общественном уровнях²⁹. В 1861 г. в Ирландии, находившейся в составе Британской империи, насчитывалось 1 077 087 носителей ирландского языка и 3 325 024 — английского, в 1926 г. количество носителей ирландского языка сократилось вдвое, а английского — примерно на треть, поскольку революции, войны и другие причины вызвали мощнейшую эмиграцию. Страна обрела полную независимость в 1949 г.

---

²⁹ Хруслов Г.В. Языковое планирование: ирландский опыт // *Решение национально-языковых вопросов в современном мире* / Под ред. Е.П. Чельшева. СПб.: Златоуст, 2003. С. 144-147.

Оценив реальную ситуацию, ирландское руководство выбрало курс не на насильственно насаждаемую монолингвальную «ирландизацию» освободившейся нации и полное искоренение «имперского языка ненавистных оккупантов» из лингвистического ландшафта государства, а на постепенную ревитализацию первого официального языка. Этнолект как коллективную декларируемую ценность было решено включить в набор реальных личных ценностей каждого ирландца. К 2006 г. население, говорившее по-ирландски, выросло до 1 656 790 человек, или до 41,9 %, хотя уровень владения родным языком все еще оставляет желать лучшего³⁰. В то же время «имперскому английскому» искусственно не навязывался и не навязывается ирритарный, антиценностный статус, и ирландцы, говорящие по-английски, не чувствуют себя людьми второго сорта. Благоприятный для всех общественный климат способствует тому, что среди разных слоев населения страны, в том числе не говорящих по-ирландски, отмечается «высокий престиж ирландского языка..., благожелательное и уважительное отношение общества к усилиям государства по сохранению и развитию этого языка и участие в этих усилиях»³¹. Заметим, что «ирландскую» модель языковой политики в некотором смысле учли и в РФ³².

2. Этнический язык как политическая ценность.

Искусственная политизация языковых систем и подсистем, то есть декларирование их политической ценности или антиценности, представляет особый интерес для исследователей, и результаты более пристального социолингвистического изучения таких фактов могут приносить сюрпризы, ведь политическую оценку получают даже графические системы, орфографические правила, заимствования и прочие явления, которым приписывается особый символический эндолектный или экзолектный статус.

Неравновесность языковой ситуации в РБ привела к тому, что белорусские политики-монолингвисты, как правило, соотносят себя с противниками современным властям в стране, а потому политизируют все аспекты сосуществования русско-белорусской диады, ср.: «украинский билингвизм, как и беларусский»³³, политически маркирован, «несёт в себе множество противоречий и

---

³⁰ Цит. по: Web.

http://www.cso.ie/en/media/csoie/census/census2006results/volume9/volume_9_irish_language_entire_volume.pdf_Accessed May 20, 2015.

³¹ Хруслов Г.В. Указ. соч. С. 150.

³² Большие успехи в этом направлении достигнуты, например, в полилингвальной Якутии, положительный опыт которой в языковом планировании и строительстве рассмотрен в: Kuzmin E. Linguistic Policies to Counter Languages Marginalization // *Net.Lang towards Multilingual Cyberspace*. Caen: C&F Editions, 2012.

³³ Один из графических вариантов, используемый в текстах ряда белорусских авторов, см.

вызывает зачастую слишком полярные мнения: от алармистских приветствий до яростного сопротивления и предубеждений” (Юрьева: 2008: I)»³⁴. В пределах РБ белорусский рассматривается монолингвалистами как безусловная коллективная этническая, национально-культурная, историко-культурная и, как следствие, политическая ценность, а русские региолекты и трасянка — как антиценности экзолектного свойства, препятствующие развитию белорусского. Наиболее политизированное крыло белорусского общества придает особый символический статус оппозициям «латинка» vs. кириллица и «тарашкевица» vs. «наркомовка»³⁵. При этом, по нашим наблюдениям, монолингвалистами редко упоминается белорусский как их собственная экономическая ценность.

Излишне политизированный подход возможен, если не знать, что реально существующей прямой корреляции между владением языком и соответствующими графическими и орфографическими системами, с одной стороны, и политической ориентацией носителей языка, с другой стороны, нет и в современных условиях быть не может. В случае с РБ более глубокие исследования показали, что для многих ее молодых граждан исторические связи с «оплотом» кириллической графики — Россией — не так уж важны: «такие социокультурные факторы, как общий государственный (русский) язык, общие история, христианские ценности и т.п. являются для респондентов малозначимыми, выявляя тем самым, с одной стороны, жесткий прагматизм студенческой молодежи, с другой — в некоторой степени ее традиционализм»³⁶. Другое исследование продемонстрировало, что более-менее свободное, по самооценке респондентов, владение белорусским языком или невладение им не коррелирует вовсе с политическими предпочтениями молодых носителей этого языка. Когда им был задан вопрос: «Если бы вы делали выбор для Беларуси — стать ей членом Европейского сообщества или объединиться с Россией, — что бы вы предпочли?», 27,4% молодых людей, хорошо говорящих по-белорусски, и 25,2%, плохо владеющих языком, предпочли объединение с Россией, за вступление в Европейский Союз выступили соответственно 35,1% и 39,3%

об этом в: Изотов А.И. [Рецензия:] Калита И.В. Современная Беларусь: языки и национальная идентичность. — Ústí nad Labem: PF ÚJEP, 2010 // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 3.

³⁴ Цит. по: Kalita I. *Rusko-běloruská jazyková interference v Bělorusku*: Disertační práce. Praha, 2009. S. 185.

³⁵ Анализ оппозиций см. в: Мячкоўская Н.Б., Лепешаў І.Я. & Сцяцко П. Навошта аднаму народу дзве азбукі? (Кірыліца і лацінка ў калізіях беларускага Адраджэння) // *Беларуская мова. Хрэстаматыя. Вучэбны дапаможнік*. Мн.: Юніпресс, 2005. С. 34-42; Калита И.В. *Современная Беларусь: языки и национальная идентичность*. Ústí nad Labem, 2010. С. 19-30.

³⁶ Алейникова С.М. «Русский мир» в представлениях белорусской студенческой молодежи // *Научный результат. Серия: Социология и управление*. 2015. Т. 1. № 2 (4). С. 11.

респондентов³⁷.

Особо сильные и совершенно неоправданные, на наш взгляд, удары со стороны некоторых социолингвистов и политиков, надевающих маски пуристов, получает самый распространенный в Беларуси транскод — трасянка³⁸, или «местный язык», функционально близкий гиберно-английской (Hiberno-English) речи в Ирландии. Другие исследователи признают, что «феномен “трасянки” ў Беларусі з'яўляецца хутчэй прадметам палітычных дыскусій, чым навуковых даследаванняў»³⁹. Иностраные же специалисты придают трасянке статус «в конечном счете просто еще одного из многих региолектов все более децентрализуемой современной Европы»⁴⁰.

Отношение к трасянке как к маргинальному явлению и антиценности отражает и сам термин, и то, что этой оценочной метафорой стали обозначать эндолекты с разной степенью «белорусскости», «русскости», «польскости». Предки носителей трасянки были выходцами из белорусскоязычных или польскоязычных деревень, переехавшими после Второй мировой войны в индустриальные, преимущественно русскоязычные города республики. Трасянка никогда не упоминалась в опросных листах белорусских Переписей, хотя даже президент РБ заявлял, что использует ее в общении. Специалистами подчеркивается: «нативизация транскода возможна при абсолютном отсутствии целенаправленной языковой политики»⁴¹. Но так ли

³⁷ В оригинале: «If you had the choice for Belarus either to become a member of the European Community or to become unified with Russia, what would you opt for?» — цит. по: Hentschel G., Brüggemann M., Geiger H. & Zeller J.P. The Linguistic and Political Orientation of Young Belarusian Adults between East and West or Russian and Belarusian // *International Journal of the Sociology of Language*. 2015. November. Заметим, что опрос проходил до активизации кампании по выходу Британии из ЕС и европейского кризиса с беженцами 2016 г.

³⁸ Ю.Б. Коряков отмечает, что сам термин *трасянка* (русс. вариант: *тросянка*) возник, видимо, не так давно», и приводит такой ряд русских и белорусских обозначений, употребляемых исследователями: *чаўня, смешанная речь, змешанае беларуска-рускае прастамоўе, смешанный язык, мешанина, ломанина* и т.д. Трасянкой «называется смесь сена и соломы, используемая в качестве корма для скота, которая по качеству сильно уступает чистому сену; смысл “недоброкачественная смесь” и был перенесен в языковую сферу». — Цит. по: Коряков Ю.Б. *Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций*: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. С. 54. О трасянке см. также в: Мячкоўская Н.Б. Трасянка ў кантынууме беларуска-рускіх ідыялектаў: хто і калі размаўляе на трасянцы? // *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2007. № 1; Мячкоўская Н.Б. У лінгвістычнай лабараторыі прафесара Генчэля: метады і вынікі даследавання трасянке // *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2013. № 2; Stern D. Указ. соч.

³⁹ Генчэль Г. & Тэш С. Трасянка: у якой ступені яна «руская», «беларуская» або «агульная»? (на матэрыяле маўленчай практыкі адной сям'і) // *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2007. № 1. С. 85.

⁴⁰ В оригинале: «Trasjanka is ultimately just another of the many regiolects of increasingly decentralising modern Europe». Цит по: Stern D. Op. cit. P. 169.

⁴¹ Калита И.В. Указ. соч. С. 178.

трасянка плоха, если используется не одним поколением, а значит, бесспорно, приобрела эндолектный статус? Нужно ли столь негативно относиться к тому, как в течение 70 лет говорит почти треть населения страны? Именно в негативном отношении к трасянке, в политизации всего, что связано с ее употреблением, на наш взгляд, проявляется советское по духу неприятие инакомыслия в худшем своем облике: поддержка исключительно языковых стандартов, то есть литературных вариантов языков, как это было во всех республиках в период СССР, в том числе и в РСФСР и БССР, неприятие региолектов, диалектов и социолектов, игнорирование того, что «яркое и меткое слово» рождается отнюдь не в кабинетах кодификаторов. При подобной политике тексты русских классиков XIX в., изобилующие диалектизмами, заимствованиями, кальками, словарными и синтаксическими гибридами, не имели бы никакого шанса быть опубликованными в СССР, но со временем язык именно таких произведений стал считаться классическим литературным. Гиберно-английской речи в плане социального престижа повезло намного больше: на ней публикуются газеты, и ее носители гордятся тем, что используют особый — свой — вариант языка. В РБ же ситуация в пользу повышения престижности трасянки — почти демолекта этой страны — меняется медленнее, хотя и раздаются призывы создавать больше статей в Википедии и художественных текстов на ней. Негативное отношение к трасянке формируется прежде всего большей частью творческой интеллигенцией, поддерживаемой кодификаторами. Жаль, но в РБ, как и РФ и некоторых других странах, в переживаниях за судьбы родного народа часто языковые предпочтения самого народа не учитываются. Из бесед с респондентами стало ясно, что простые люди настроены скептически по отношению к просветительским потугам более образованных сограждан, так как для многих «местный язык» соотносится напрямую с системой личных ценностей, связанных с семейным общением, межпоколенческими родственными «скрепами», общением в кругу друзей и т.п. Отсутствие хотя бы моральной поддержки «местному языку» со стороны политиков, — если, конечно, исключить признания президента РБ и некоторых лиц из его окружения в том, что они используют трасянку, — вызывает у части граждан ничем не оправдываемое чувство социальной ущербности, что абсолютно недопустимо при демократичном языковом строительстве.

Пуризм интеллигенции как стратегия защиты «своего» от «чужого» с легкостью подхватывается профессиональными политиками-монолингвалистами, хотя у каждого из них имеются собственные представления о том, что считать «своим» и «чужим». Так, белорусским, русским и польским хоралектам и региолектам, а также соответствующим языковым стандартам, веками сосуществовавшим на определенных территориях, разными политическими группировками приписывается статус экзоектов, и эти мысли внедряются в

обыденное сознание части электората. Поскольку далеко не все политики имеют филологическое образование, возникает много окололингвистических казусов. Например, предпринимаются безуспешные попытки изгнать из белорусского все русизмы — лексические и грамматические. Неудивительно, что филологи реагируют на такие заявления. Историк языка А.И. Изотов, обративший внимание на то, что в последнее время в белорусском Интернете даже зазвучали призывы исключить из употребления причастные формы как насильственно внедренные в советский период грамматические русизмы, призывает не забывать, «что по крайней мере в данном случае речь идет не просто о грамматическом заимствовании, но об обратном заимствовании. Ведь именно в Великом княжестве литовском — крупнейшем государстве Центральной Европы того времени, в котором старобелорусский язык был языком делопроизводства, — и зародилось восточнославянское книгопечатание, вспомним Франциска Скорину и Лаврентия Зизания, да и московский первопечатник Иван Федоров именно здесь напечатал бóльшую часть своих книг, включая знаменитую Острожскую библию. Здесь была создана и грамматика Мелетия Смотрицкого — основа церковнославянской грамматической науки XVII–XVIII столетий. Вопрос о том, как лучше называть “рутенский” язык (западнорусским, старобелорусским или староукраинским), равно как и вопрос о его отношении к церковнославянскому, довольно сложен, однако очевидно одно — в XVII–XVIII вв., в отличие от последующего периода, именно он доминировал среди прочих “русских” языков»⁴².

Немонолингвалисты, в том числе президент РБ, декларируя этническую, национально-культурную, историко-культурную ценность белорусского языка, на практике чаще всего используют русские региолекты, поскольку считают их эндолектами, ср.: «русский язык — это общее достояние трех братских народов — украинцев, белорусов, россиян, — да и других народов, с которыми мы жили в одной стране. Этим самым хочу подчеркнуть для тех, кто пытается приватизировать русский язык. Он наш, он не российский и не украинский. Это живое достояние, в том числе белорусов»; «только идиот в Беларуси может отказаться от русского языка». В то же время немоналингвалистами отмечается рост популярности белорусского в молодежной среде⁴³, хотя в целом, по исследованиям, «литературный белорусский язык имеет очень небольшой ареал распространения (от 1,6 % до 3,6 %). “Местным”, т. е. смесью белорусского, русского и польского языков, пользуется от 22,4 % до 32,2 % в зависимости от сферы общения. Дома, с

⁴² Изотов А.И. Указ. соч. С. 219.

⁴³ См. видеозаписи ответов о белорусском, русском языках и тряснянке президента РБ А. Лукашенко: Web. <https://www.youtube.com/watch?v=4EmdoXJ9f00>, <https://www.youtube.com/watch?v=qmzYjaA-5OE>. Accessed May 20, 2016.

друзьями, с соседями, земляками и даже с коллегами по работе респонденты общаются в основном на русском языке (60–66 %), с незнакомыми людьми так же, только процент уже возрастает почти до 72. Чуть более трети опрошенных дома, с друзьями, соседями и земляками общаются на “местном” языке (т. е. на смеси русского, белорусского и польского). С коллегами по работе и с незнакомыми людьми на “местном” языке общается несколько меньше людей — от 22,4 до 29 %»⁴⁴. Конечно, такие данные о фактическом статусе литературного белорусского языка вызывают справедливую тревогу у монолингвалистов, но в то же время подход немоналингвалистов в большей мере соответствует реальной языковой ситуации в стране, хотя и не способствует более активному включению белорусского в орбиту личных ценностей.

По нашим наблюдениям, реальным официально-деловым языком современного белорусского государства является русский, а белорусский почти повсеместно имеет лишь декларируемый статус. При этом руководители и сотрудники различных министерств по-разному выражают на практике свое отношение к русско-белорусскому билингвизму. Например, существующие официальные сайты Министерства обороны РБ имеют белорусскую, русскую и английскую версии, тогда как в диалоге «военное сообщество — гражданское сообщество» военные манифестируют приверженность лишь белорусскому языку, особенно если речь идет о срочной службе. Так, тексты на городских транспарантах, призывающих молодежь служить в вооруженных силах страны, исключительно на белорусском языке, то есть в силовой среде белорусский играет символическую роль национально-государственной ценности. При этом военный информационный портал Министерства — преимущественно на русском⁴⁵. В целом, большинство документов, циркулируемых в РБ, создаются на русском языке, и хотя официальные сайты Совета министров Беларуси и Президента тоже имеют три версии — белорусскую, русскую и английскую — и в белорусском меню сайта Совета министров указаны, например, «Прававыя асновы дзейнасці», а именно «Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь» и «Закон Рэспублікі Беларусь аб Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь», тексты и Конституции, и Закона — только на русском языке. При запросе белорусского варианта происходит переадресация пользователя на другой сайт, при этом белорусский вариант сопровождается примечанием как «Неофициальный машинный перевод текста»⁴⁶. Разговорная речь госслужащих — русская, как литературная, так и региолектная, объявления в большинстве учреждений — тоже на русском.

Польский язык в большей мере является декларируемой коллективной

---

⁴⁴ Русецкая В.И. Указ. соч. С. 261.

⁴⁵ Web. <https://www.mil.by/>. Accessed May 20, 2016.

⁴⁶ Web. <http://www.government.by/>, <http://www.president.gov.by/>. Accessed October 20, 2015.

этнической, историко-культурной, духовной и интеллектуальной ценностью, чем реальной образовательной или экономической (исключение — отношение к родным региолектам у поляков, ведущих бизнес с метрополией). Сейчас во всей республике работают всего две польские школы, хотя с 1990 г и по настоящее время действует общественная организация «Саюз палякаў Беларусі» («Związek Polaków na Białorusi»⁴⁷), с центром в г. Гродно. Однако и внутренние силы, и внешние активно пытались связать «польский фактор» с геополитической ситуацией в мире, как следствие, тема польского языка тоже политизировалась и отражалась в особом отношении ко всему польскому и со стороны поляков метрополии и диаспоры, и со стороны белорусов и др. 10 лет назад «Związek» раскололся, и та его группа, которая поддерживается правительством Польши, занимается восстановлением семейной истории поляков Беларуси, Украины, России, Литвы и проводит разнообразные популярные акции («Dziadek w polskim mundurze»⁴⁸ и т.п.), информация о которых выкладывается на официальном сайте, то есть всячески поддерживает статус польского языка как польской этнической и историко-культурной ценности, включенной в общепольскую национально-культурную систему ценностей. Польский рассматривается и как политическая ценность: на сайте публикуется информация из польских изданий, например из выходящей с 2006 г. «Восточной ежедневной газеты»⁴⁹. К сожалению, очень много в этих изданиях информации антиукраинской (в частности, поэтому как о прецедентном событии довольно часты упоминания о Волынской резне, или Rzeź wołyńska), а также антилитовской, антинемецкой, антибелорусской, антироссийской, хотя антиценностный статус соответствующих языков явно не декларируется. Публикации способствуют поляризации мнений и среди польского населения республики, и среди непольского, которое, по нашим наблюдениям, устало от избыточной политизированности: люди живут в реальных условиях, как правило, не соответствующих геополитическим моделям ни одной из сторон, а потому хотят мира, стабильности, уверенности в завтрашнем дне.

3. Этнический язык как культурная ценность. Языки в системе декларируемых и реальных личных ценностей писателя: феномен

С. Алексиевич.

Являются ли этнолекты реальными культурными ценностями или только декларируемыми? С одной стороны, какой бы политической позиции белорусские, например, поляки ни придерживались и на каком бы языке ни говорили, они

⁴⁷ Его официальная веб-страница: Web. <http://znadniemna.pl/>. Accessed May 20, 2015.

⁴⁸ Русс. пер.: «Дед в польском мундире».

⁴⁹ Web. <http://kresy24.pl/category/ukraina/>. Accessed May 20, 2015.

совершенно справедливо гордятся своим вкладом в культуру Беларуси, как и Украины, России, Литвы, тем более, что именно на белорусской территории в городке Новогрудке находится родина польского национального поэта А. Мицкевича. В других местах тоже предпринимаются попытки восстанавливать польские усадьбы, польскую бытовую культуру как «białoruska szlachecka», но почти вся языковая стихия, формируемая вокруг этих усадеб, — русские региолекты, реже употребляются белорусские и польские, трасянка. Однако именно польская тема активно используется для привлечения туристов: в интерьерах усадеб могут быть портреты польских исторических деятелей, но подписи к ним на белорусском (на «тарашкевице», иногда — и на «наркомовке», очень редко — на «латинке»). Ни польских региолектов, ни белорусских, например в известном «Парке истории Сулы», или усадьбе «Пански Маентак»⁵⁰, мы не слышали.

Идиш утратил все свои позиции в РБ. Его носители литваки — многочисленное еврейское население, с XIV в. проживавшее на этой территории, — либо эмигрировали, либо были истреблены во время немецкой оккупации в годы Второй мировой войны. Потомков литваков в современной Беларуси мало. Посещая исторические места проживания еврейского населения, мы ни разу не услышали идиш. Исчезновение идиша из языковой ситуации в стране подтвердилось и статистическими данными Переписи 2009 г.: из 12 926 представителей еврейского населения Беларуси лишь 245 употребляли идиш в повседневном общении, абсолютное же большинство было русскоязычным. По нашим наблюдениям, некоторые еврейские местечки уже без еврейского населения, такие как Рубежовичи, становятся туристическими центрами, где тема литваков активно используется для привлечения туристов, однако каких-либо следов прежней богатой духовной, языковой и культурной жизни этого народа мы не встретили. Редкие исключения представляют собой события, связанные с деятельностью Израильского культурного центра, но они, как правило, ориентированы не на «идиш-культуру», а на «иврит-культуру» (День иврита, Дни израильской культуры и т.п.)⁵¹. Прежде в Беларуси «издавались еврейский ежемесячный литературный журнал “Штерн”, двухнедельный журнал “Дер юнгер арбетер”, ежедневная газета “Октябрь”, еврейская пионерская газета “Дер юнгер ленинец”. В 1929 г. в Минске было издано 55 наименований еврейских книг»⁵². Идиш проиграл ивриту по многим позициям во всем мире⁵³, и связанная с ним уникальная литературная традиция исчезает.

---

⁵⁰ Об этой усадьбе см.: Web. <http://panski-maentak.by/>. Accessed May 20, 2015.

⁵¹ Web. <http://il4u.org.il/minsk/tag/izrailskaya-literatura>. Accessed May 20, 2015.

⁵² Цит. по: Эта бедная Белая Русь, 2006. Web. <http://www.lechaim.ru/ARHIV/175/VZR/m01.htm>. Accessed May 20, 2015.

⁵³ Shandler J. Beyond the Mother Tongue: Learning the Meaning of Yiddish in America // *Jewish Social Studies*. 2000. April.

Мы предполагали, что белорусский язык будет восприниматься как реальная личная национально-культурная и историко-культурная ценность хотя бы у госслужащих в сфере культуры. Действительно, Министерство культуры декларирует приверженность белорусскому языку, и, например, надписи о том, что исторические объекты охраняются государством, названия на фасадах культурно-образовательных учреждений повсеместно в республике — на белорусском языке. Людей призывают вспомнить вкус белорусской речи огромные баннеры, стоящие вокруг Минска. Но в реальности вся управленческая и отчетная информация того же Министерства культуры республики — только на русском⁵⁴. Языковая стихия вокруг музейных комплексов и мемориалов — культурного и исторического наследия РБ — тоже только русская региолектная, даже если речь идет о самом известном комплексе белорусских старинных народных ремесел и технологий «Дудуткі». Можно понять монолингвалистов, стремящихся исправить ситуацию хотя бы в этой сфере, но, к сожалению, их попытки порой довольно неуклюжи и вызывают недоумение у стороннего наблюдателя. Эти попытки участились после получения русскоязычной белорусской писательницей С. Алексиевич Нобелевской премии. По нашим наблюдениям, отношение к прозе писательницы, ставшей мировой знаменитостью, у ее земляков довольно неоднозначное. Достаточно сказать, что в сборнике «Русскоязычная литература Беларуси»⁵⁵ нет ни одного упоминания о ней, однако есть белорусские литературоведческие и историко-культурологические исследования ее творчества, имеются публикации о том в белорусских научных изданиях⁵⁶. Складывается впечатление, что дело далеко не в политической обструкции писательницы, декларирующей свою позицию через западноевропейские масс-медиа. Не желая умалить достоинств ее прозы, мы должны согласиться с мнением ее критиков, что обнаружение исторических неточностей в ее текстах, посвященных важнейшим для белорусской нации событиям и обозначаемых как «документальные», вызывает у части читателей раздражение. В изданиях, оппозиционных современным белорусским властям, высказывалось мнение, что «после 1993 года книги

⁵⁴ Web. <http://kultura.gov.by/page/adm-n-stratsyinyya-pratsedury>. Accessed October 20, 2015.

⁵⁵ *Русскоязычная литература Беларуси* / Отв. ред. С.Я. Гончарова-Грабовская. Минск, 2010.

⁵⁶ Например: *Беларускае літаратуразнаўства: навукова-метадычны зборнік*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2002; Басова А.И. & Синькова Л.Д. Становление документально-художественного жанра в журналистике Светланы Алексиевич // *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2009. № 3; Сивакова Н.А. Особенности композиции книги С. Алексиевич «У войны — не женское лицо...» // *Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины*. 2004. № 5 (26); Гарноўская В.Ю. Гуманістычная ідэя і яе рэалізацыя ў кнізе С. Алексіевіч «У вайны не жаночае аблічча» (выданні 1983 і 2004 гг.) // *Беларускае літаратуразнаўства. Вып. 6*. Мінск: Паркус плюс, 2008.

писательницы не выходили в негосударственных издательствах Беларуси»⁵⁷, что, как ни странно, тоже не добавляет общественных симпатий к автору, тем более, это мнение ошибочно, в чем легко убедиться, просмотрев каталоги Национальной библиотеки РБ и других библиотек: в 1990-е гг. все главные книги Алексиевич были переведены на белорусский язык и изданы в Минске в 1991, 1993 и 1999 гг., а в 2013 г. — переведен и опубликован там же ее новый роман «Время second-hand». Возможно, в отсутствии переизданий на русском сказался определенный практицизм литературных агентов писательницы (не дерзнем предположить — ее самой), когда-то понявших, что публикация таких текстов в Беларуси принесет меньшую прибыль, чем их публикация в России⁵⁸. Говорить же о целенаправленном влиянии государственной белорусской культурной политики на ситуацию с переизданиями произведений С. Алексиевич, на наш взгляд, довольно странно: ее тексты на русском и других языках были и остаются вполне доступными белорусским читателям, и при желании их всегда можно было прочитать в интернет-библиотеках или приобрести через интернет-магазины. Встречались они нам и в белорусских букинистических магазинах, и на книжных развалах. Однако не самые высокие читательские рейтинги на порталах интернет-магазинов (даже после получения автором Нобелевской премии по литературе) косвенно подтверждают: проблема коренится не в белорусской культурной политике или не только в ней, а еще и в читательской рецепции. В оппозиционной современным белорусским властям прессе высказывается мнение о том, что произведения обсуждаемого автора «могут издаваться в Беларуси только в переводе на белорусский язык», поскольку белорусские «государственные издательства не печатали книги Нобелевского лауреата Светланы Алексиевич после 1993 года» и «в итоге авторские права на русскоязычные произведения автора сейчас принадлежат

---

⁵⁷ Цит. по: Web. <http://www.belaruspartisan.org/m/life/320296/>. Accessed October 27, 2015.

⁵⁸ Тем более, как хорошо известно, потенциальная возможность перевода текста на другие европейские языки со времен СССР увеличивалась, если он имел русский вариант. Ср.: «глобализационные процессы для культур бывших народов СССР уже чреватые периферизацией, а в перспективе легко могут привести к маргинализации. <...> Конечно, сейчас далеко не все одинаково оценивают процессы “культурного строительства” при социализме. Тем не менее стоит все-таки вспомнить о том беспорно положительном, что у нас имелось. <...> лучшие образцы словесности больших и меньших (численно) народов СССР благодаря русской литературе-“кормилице” получили возможность утверждаться и в мировом контексте. Причем все это осуществлялось, как известно, *с помощью переводов именно на русский язык*, которые не просто выполняли посредническую роль <...> Для уточнения приведем данные, не нуждающиеся в комментариях. На протяжении 1970-1980-х годов в России (прежде всего в Москве) ежегодно издавалось около 40-50 книг белорусских авторов, а за 1990-е — всего 4, к тому же весьма скудными тиражами». — Цит. по: Чарота И. О реально значимом и оптимальном статусе русского языка вне России (На основе опыта Беларуси) // *Слово.ру. Балтийский акцент*. 2012. Вып. 2 С. 49-41.

российским издательствам»⁵⁹. Мы не будем обсуждать проблему копирайта, так как не имеем достоверных сведений от самих издательств. Более интересной нам видится разворачивание представителями некоторых белорусских масс-медиа идеи «копирайта» в сторону попытки связать творчество писательницы с политизируемым статусом первого государственного языка республики. На наших глазах рождается занимательный журналистский миф, оправдывающий нежелательную для монолингвалистов текстовую «русскость» Алексиевич: «Переводчик книги Светланы Алексиевич “Время second-hand” Тихон Чернякевич замечает, что во время работы над переводом автор продемонстрировала отличное владение белорусским языком: “В работе с самим автором было интересно то, как она сама чувствует язык, что ей это очень важно, как она умеет защитить то самое белорусское слово в переводе, или наоборот предложить что-то другое. Она хорошо разбирается в языке, и для нее белорусский язык — отнюдь не второстепенная вещь, она его хорошо знает”, — рассказал радио Рацья Чернякевич»⁶⁰. Возникает закономерный вопрос: если автор прекрасно владеет языком, то почему же он не пишет на этом языке? Интервью самой С. Алексиевич газете «Frankfurter Allgemeine Bilder und Zeitung» (за 20 июня 2013 г.) и ею же сделанное «опровержение» слов из этого интервью не оставляют сомнений в ее своеобразном отношении к первому из государственных языков Республики:

Корреспондент «Frankfurter Allgemeine Bilder und Zeitung»: «Obwohl Minsk Ihre Heimat ist, schreiben Sie nicht auf Belorussisch».

С. Алексиевич: «Ja, ich schreibe nur russisch und verstehe mich auch als Angehörige der russischen Kultur. Die weißrussische Sprache ist sehr bäuerlich und literarisch unausgereift»⁶¹; «Беларуская мова для мяне — гэта і вясковыя краявіды, і вясковыя бабкі, сярод якіх я расла, праз беларускую мову я пазнавала свет жаночага голасу — я ніколі не лічыла і не лічу яе нейкай адсталай ці няспелай»⁶².

Необычная характеристика для национального языка с богатейшей книжно-письменной традицией, совершенно неоправданно занижающая его престиж, причем писательница явно исключает его из круга личных и коллективных

⁵⁹ Цит. по: Web. <http://www.belaruspartisan.org/m/life/322325/>. Accessed October 27, 2015.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Цит. по: Web. <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/bilder-und-zeiten/ein-gespraech-mit-der-friedenspreistraegerin-swetlana-alexijewitsch-uns-fehlt-die-kultur-des-gluecks-12238217-p2.html>. Accessed October 27, 2015. Русс. пер.: Корреспондент: «Хотя Минск — ваш дом, вы не пишете по-белорусски». С. Алексиевич: «Да, я пишу только по-русски и считаю себя принадлежащей русской культуре. Белорусский язык очень сельский и литературно незрелый».

⁶² Цит. по: Web. <http://nn.by/?c=ar&i=111681>. Accessed October 27, 2015. Русс. пер.: «Белорусский язык для меня — это и сельские пейзажи, и деревенские бабки, среди которых я росла, через белорусский язык я узнавала мир женского голоса — я никогда не считала и не считаю его каким-то отсталым или незрелым».

интеллектуальных ценностей⁶³. Белорусские региолекты действительно используются в повседневном общении в основном в сельской местности, а в Минске и других крупных городах белорусский употребляется лишь национально ориентированной интеллигенцией, в свою очередь, приписывающей порой русским региолектам и тряснянке антиценностный, деструктивный характер.

3. Язык как духовно-религиозная ценность.

Что касается конфессионального портрета Беларуси, то в последние десятилетия он сильно изменился: «за 1989–2012 гг. число религиозных организаций в Беларуси увеличилось с 768 до 3371, т. е. больше чем в 4,3 раза. Одна из основных характеристик этой сферы — уровень религиозности населения. Как показало социологическое исследование “Конфессиональная идентификация населения Беларуси”, около 60 % населения в той или иной степени испытывали религиозные потребности, квазирелигиозные — 5 %, колеблющиеся — 24 %. В этом исследовании по конфессиональной принадлежности респонденты отнесли себя: 72,6 % — православные, 9,3 % — католики, 0,4 % — разные направления протестантизма. В целом к христианской традиции отнесли себя более 82 % опрошенных, к мусульманам — 0,5 %. Доля православных (72,6 %) коррелирует с долей славянских этносов в составе населения, а доля мусульман (0,5 %) — с представительством тюркских и кавказских этнических групп в стране»⁶⁴. В таких условиях вобычно заостряются вопросы о языках миссии, богослужения, общения между верующими. В религиозной практике язык, декларируемый как средство общения с Богом, всегда имеет особый духовный ценностный статус, поэтому в лингвистическом ландшафте Беларуси большую роль играли и играют конфессионально значимые панлекты, которым обычно приписывается культурно-историческая и духовная ценность: церковнославянский (*StandL₄* де факто), латынь (*StandL₅* де факто), иврит (*StandL₆* де факто). Намного

---

⁶³ Ср.: «современный белорусский язык — это высокоразвитый литературный язык с упорядоченной системой норм, богатым словарным составом, разветвленной научной терминологией. Сегодня это язык, который может успешно обслуживать все сферы жизни современного общества. Он по-прежнему остается реальным средством общения, частью и средством национальной культуры, средством и символом национального сознания и самосознания и т.д. <...> Таким образом, статус белорусского языка в современном обществе в начале XXI в. определяется следующими характеристиками: высокоразвитый литературный язык; самостоятельный славянский язык восточнославянской подгруппы; один из распространенных языков мира [Міхневіч, 1994]; государственный язык страны; язык титульной нации; язык национального большинства». — Цит. по: Лукашанец А.А. Современное состояние и тенденции развития славянских языков (белорусский язык) // *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология. 2009. № 5. С. 67.

⁶⁴ Цит. по: Левяш И.Я. Регионы Беларуси: социокультурное измерение // *Псковский регионологический журнал*. 2015. № 22. С. 9-10.

меньше распространен арабский (StandL₇ де факто), несмотря на присутствие белорусско- и русскоязычных татар-мусульман в регионе и уникальной исторической традиции писать по-белорусски с помощью арабской графики. Учет и то, что в некоторых деноминационных группах языки богослужений с «чужими» графическими системами пополняют круг антиценностей и тоже могут политизироваться.

Например, одними этнополитическими структурами, разделяющими идеи панславизма, церковнославянский связывается с такой коллективной историко-культурной ценностью, как «код Кирилла», объединяющей славян (Pax Slavia Orthodoxa), тогда как другими церковнославянский объявляется своеобразным манифестантом «русского мира» и антиценностью. По нашим наблюдениям, в православных храмах и монастырях Беларуси довольно много церковнославянской литературы, связанной с литургической практикой, молитвословиями. Региолектами повседневного общения прихожан и околоцерковной среды выступают русские, а также трасянка, с многочисленными инклюзивами-церковнославянизмами. В крупнейших белорусских православных духовных центрах в Минске и Полоцке, например в Свято-Ефросиньевском монастыре, мы ни разу не услышали белорусской речи и не увидели объявлений на белорусском языке, кроме уже упоминавшихся официальных надписей по поводу того, что тот или иной архитектурный объект является памятником культуры и охраняется государством.

Нам не удалось определить точные данные о распространенности латыни — еще одного надэтнического сакрального языка — в современной Беларуси, поскольку мы не смогли получить непротиворечивую информацию, в каком количестве католических приходов практикуется Тридентская месса. Например, известно, что ее служат в костеле св. Варвары в Витебске, а также в каплицах «лефевристов» — Братства святого Пия X (Fraternitas Sacerdotalis Sancti Pii X, или FSSPX) — в Минске и в поселке Белыничи Могилевской области. Данная организация зарегистрирована официально в органах юстиции Республики как «Религиозная община римско-католического вероисповедания традиционного латинского обряда “Почитатели Сердца Иисуса Христа”». Естественно, для этой деноминационной группы латинский язык — «не чужой», тем более что в католических семинариях, по традиции, латинский часто практикуется, можно сказать, как язык повседневного общения. На территории Беларуси действуют три католических пасторских учебных заведения: две высшие духовные семинарии в Гродно и Пинске и катехизаторский колледж в Барановичах. Однако социолект современных белорусских семинаристов-католиков не изучен, как, впрочем, почти не изучен и социолект современных православных бурсаков России⁶⁵. В

⁶⁵ См. об этом в: Лагута О.Н. Современный русский приходской дискурс: пародийность, эклектичность, жаргонизация // *Сборник трудов IV Международной научной конференции*

общественном сознании ряда католиков Беларуси братству «лефевристов» приписывается известный схизматический характер: в свое время сторонники архиепископа Лефевра не приняли нововведений Второго Ватиканского собора, а потому по сей день находятся в определенной конфронтации с Ватиканом⁶⁶, невзирая на то, что папа Бенедикт XVI возродил практику месс на латинском языке. Как результат, латынь в современной Беларуси могла бы играть символическую историко-культурную роль языка мирового сообщества христиан (Pacis Latinae), а не только западных славян, но этого, по нашим данным, не происходит, поскольку языковая стихия вокруг белорусских «лефевристов» — на русском языке, а латинские тексты месс и обиходных молитвословий всегда сопровождаются русским переводом. Ежеквартальный журнал братства «Молись за нас» выходит только на русском, если исключить тексты тех же латинских молитвословий. Нам встретился на русском даже молитвенный стих над металлической мандорлой статуи Девы Марии около одного из храмов (Русская православная церковь в подобных — молитвословных — случаях использует церковнославянский перевод). Если для этой деноминационной группы и характерна русско-латинская диглоссия, то с очень существенным русским «перевесом».

В отличие от католиков-традиционалистов, белорусские католики-нетрадиционалисты и грекокатолики, наоборот, стремятся активизировать и белорусский язык, и польский, что вполне соответствовало бы решениям Второго Ватиканского собора, но делают они это весьма своеобразно, и это хорошо заметно по тому, как их организации представлены в киберпространстве. Официальный сайт газеты Греко-католической церкви Беларуси «Царква» — на белорусском языке. Сайт включает и медиафайлы. Видеопередача «Тэлепраграма “Існасьць”. Пра Грэка-Каталіцкую Царкву ў Беларусі» — на русском языке⁶⁷. Официальный сайт Римско-католической церкви Беларуси имеет 5 страниц: белорусскую, русскую, польскую, английскую и немецкую, а официальный сайт католической Пинской семинарии — полностью на белорусском языке⁶⁸, сайт же Гродненской семинарии имеет меню только на белорусском и польском и название семинарии — на латинском, однако при входе на страницы меню, читатель видит лишь белорусские и польские заголовки, а тексты — русские, хотя русский в меню не указан⁶⁹. Аналогичным образом различия между декларируемой и реальной дистрибуцией языков наблюдаются в приходском общении. В Фарном костеле Тела Господня в г. Несвиже — первом иезуитском костеле Речи Посполитой — все объявления,

---

«Современные проблемы славянской филологии: глобализация и обучение русскому языку». Тайбэй, 2012.

⁶⁶ Web. <http://www.fsspx.of.by/ru/about/>. Accessed May 20, 2015.

⁶⁷ Web. <http://carkva-gazeta.by/index.php?ik=42>. Accessed May 20, 2015.

⁶⁸ Web. <http://seminaryja.by/> Accessed May 20, 2015.

⁶⁹ Web. <http://wsd.grodnensis.by/by/duhounae-prynjacce-dziacej.html>. Accessed May 20, 2015.

включая цитаты из Священного писания над входом в костел, написаны на белорусском языке кириллицей (по нашим наблюдениям, нетрадиционалистские католические костелы — это единственные конфессионально значимые места, где можно встретить бытовые надписи на белорусском). Надписи на «латинке» можно было наблюдать лишь на хоругвях, возможно, подаренных ктиторами из Польши. В то же время среди прихожан, как и вообще в Несвиже, мы не услышали ни белорусской речи, ни польской, но польский, естественно, используется католическими священнослужителями, монахинями из Польши в общении между собой. На польском же и памятные таблички на других костелах, цитаты из Священного писания в интерьерах тоже могут быть на этом языке.

Представители протестантских деноминаций в Беларуси — баптисты, адвентисты, пятидесятники и др. — употребляют повсеместно русские региолекты, значительно реже — белорусские и польские как языки уличной и храмовой проповеди: для успеха миссии необходимо опираться на языки, включенные в круг реально существующих индивидуальных ценностей, а не декларируемых коллективных. В самих богослужениях ими используется преимущественно русский язык. Например, в Пинске библейская цитата на щите перед баптистской церковью была приведена на русском языке. Официальные сайты церквей баптистов, адвентистов и пятидесятников Беларуси имеет только русские версии⁷⁰. На русском — и издаваемые протестантами периодические издания, и другая литература, на русском ведется и теологическое образование в их учебных заведениях, например, в Теологическом институте Христиан Веры Евангельской и в Библейском колледже той же деноминации. Учащимся могут предлагаться курсы английского разговорного языка, но не белорусского. Язык миссии вынесен и в названия церквей на их фасадах, например церкви пятидесятников в Минске.

Иврит в Беларуси распространен мало: действующих синагог всего 11. Но если он сохраняет реальный этнический, интеллектуальный и духовно-религиозный ценностный статус, то идишу приписывается лишь статус историко-культурный.

4. Заключение.

Формально набор наиболее значимых компонентов, формирующих полилингвальную и неравновесную ситуацию в РБ, можно представить следующим образом:

$p-LS = StandL_1 \text{ де факто} + RI_1 + StandL_2 \text{ де факто} + RI_2 + StandL_3 \text{ де факто} + RI_3 + StandL_4 \text{ де факто} + StandL_5 \text{ де факто} + StandL_6 \text{ де факто} + StandL_7 \text{ де факто} + T$. Украинский и литовский компоненты менее значимы и имеют лишь локальное

⁷⁰ Web. <http://baptist.by/>; <http://adventist.by/>; <http://xn--b1agz2ae.xn--90ais/>. Accessed May 20, 2015.

распространение.

Как видим, ценностная и функциональная значимость этих компонентов у представителей разных этно- и социокультурных групп жителей Беларуси — и политизированных, и индифферентных — может различаться весьма существенно: «социокультурная идентичность, выражающаяся в процессе самоотождествления индивида с какими-либо идеями, ценностями, социальными группами и культурами, связана со многими видами этнической, поколенческой, групповой, профессиональной идентичности, поскольку в итоге позволяет личности осознать свою социально-ценностную и эмоционально-психологическую значимость как члена определенной общности»⁷¹.

Ценностные представления («установки») влияют на социальное поведение, а потому они часто защищаются законами, будучи аннотированы как «право» на ту или иную личную или общественно значимую ценность. Существует различие во мнениях, что понимать как ценностную доминанту. Например, европейские и американские исследователи обращают внимание на то, что манифестация приверженности определенным ценностям, а также их поддержка государством или отсутствие законодательного запрета на демонстрацию ценностных доминант обычно определяются как свобода личности и обеспечение свободы, тогда как азиатские исследователи в качестве ценностной доминанты, требующей постоянной мобилизации всех общественных регулятивов, объявляют трудноопределяемую категорию социальной гармонии в том сообществе, в котором говорящий находится в данный момент, причем эта гармония может и не упоминаться в законодательных текстах⁷².

Таким образом, различия ценностных доминант, наиболее близких сознанию самих специалистов и политиков и цивилизационно-культурным, религиозным традициям, которым они следуют, прямо влияют на исследовательский результат в той его части, которая требует интерпретации. Для современной белорусской оппозиции, европоориентированной, но поддерживающей монолингвализм, белорусский язык — это символ свободы этноса в целом и каждого белоруса в частности, единственный язык, имеющий ценностный для белорусской

---

⁷¹ Русецкая В.И. Указ. соч. С. 260.

⁷² См. об этом, например, в: «Western cultures typically prioritize values like *autonomy* and *freedom*, whereas East-Asian cultures put more emphasis on *harmony* and *community*» (цит. по: Christen M., Narvaez D., Tanner C. & Ott T. Using Thesauruses as a Heuristics for Mapping Values // *Cognitive Systems Research*. 2016. № 40. March. Web. DOI: 10.1016/j.cogsys.2016.02.003. Accessed May 20, 2016), или «We can doubtlessly agree with Lee Ming-huei (2001, 85), who claimed that Confucian culture as understood by Lee Kuan Yew is an anti-liberal, despotic culture in which the *community* is much more important than the *individual*» (цит. по: Rošker J. *Modern Confucianism and the Concept of “Asian Values”* // 2016. February. P. 159. Web. DOI: 10.4312/as.2016.4.1.153-164. Accessed May 20, 2016. P. 159).

этноидентификации и государственной идентификации статус, тогда как остальным литературным языкам (в ряде случаев — и церковнославянскому), а также небелорусским региолектам и трасянке приписывается чуждый, экзолектный характер, порой даже относящий их к сфере антиценностей. Для современных же белорусских властей и более 40 % граждан белорусский, как и русский, всего лишь один из эндолектов, который декларируется как первый, но в реальном общении легко заменяется на русские региолекты или трасянку. При этом русский и белорусский включены в систему регулятивов, направленных на поддержание социальной гармонии, с такими ее чертами, как бесконфликтность, толерантность, терпимость. Кроме того, русскому приписывается и значимый экономический ценностный статус, поскольку его знание обеспечивает трудовую мобильность, лучшую востребованность на мировом рынке труда, что монолингвалистами часто игнорируется на словах, хотя и может поддерживаться на деле, если это напрямую связано с их экономическими интересами.

Литература

Aikhenvald A. The Value of Language and the Language of Value: A View from Amazonia // *HAU Journal of Ethnographic Theory*. 2013. September.

Christen M., Narvaez D., Tanner C. & Ott T. Using Thesauruses as a Heuristics for Mapping Values // *Cognitive Systems Research*. 2016. № 40. March. Web. DOI: 10.1016/j.cogsys.2016.02.003. Accessed May 20, 2016.

Dupré J.-F. The Mother Tongues as Second Languages: Nationalism, Democracy and Multilingual Education in Taiwan // *Current Issues in Language Planning*. 2014. June.

Grenier G. & Nadeau S. English as the Lingua Franca and the Economic Value of Other Languages: the Case of the Language of Work of Immigrants and Nonimmigrants in the Montreal Labour Market // *Cahier de recherché*. 2011. № 1107E. Web. <http://www.rdc-cdr.ca/english-lingua-franca-and-economic-value-other-languages-case-language-work-immigrants-and-non>. Accessed May 20, 2015.

Hentschel G., Brüggemann M., Geiger H. & Zeller J.P. The Linguistic and Political Orientation of Young Belarusian Adults between East and West or Russian and Belarusian // *International Journal of the Sociology of Language*. 2015. November.

Heritage language education: A new field emerging / Ed. by D.M. Brinton, O. Kagan, & S. Bauckus. New York: Routledge, 2008.

Järve P. Ethnic Democracy and Estonia: Application of Smooha's Model // *European Center for Minority Issues*. Paper № 7. Flensburg: ECMI, 2000.

Kalita I. *Rusko-běloruská jazyková interference v Bělorusku*: Disertační práce. Praha, 2009.

Kryszyn T. Język polski na Białorusi // *Acta Baltico-Slavica*. 2015. July.

Kuzmin E. Linguistic Policies to Counter Languages Marginalization // *Net.Lang towards Multilingual Cyberspace*. Caen: C&F Editions, 2012.

Rošker J. *Modern Confucianism and the Concept of "Asian Values"* // 2016. February Web. DOI: 10.4312/as.2016.4.1.153-164. Accessed May 20, 2016.

Seals C. A. & Peyton J. K. Heritage Language Education: Valuing the Languages, Literacies, and Cultural Competencies of Immigrant Youth // *Current Issues in Language Planning*. 2016. DOI: 10.1080/14664208.2016.1168690. Accessed May 20, 2016.

Shandler J. Beyond the Mother Tongue: Learning the Meaning of Yiddish in America // *Jewish Social Studies*. 2000. April.

Smolicz J.J. & Radzik R. Belarusian as an Endangered Language: Can the Mother

Tongue of an Independent State be Made to Die? // *International Journal of Educational Development*. 2004. September.

Stern D. Trasjanka and Regiolectalization of Russian in Belarus // *Zeitschrift fur Slawistik*. 2013. № 58(2). January.

The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe / Ed. by Smooha, S. & Jarve, P. Budapest: Open Society Foundation, 2005.

Wu M.-H., Lee K., & Leung G. Heritage Language Education and Investment among Asian American Middle Schoolers: Insights from a Charter School // *Language and Education*. 2014. № 28(1).

Акинчиц С. У истоков белорусского баптизма // *Крыніца жыцця*. 2005. Web. http://www.krinica.org/6/255_1.shtml. Accessed May 20, 2015.

Алампиев О.А. Интеграция иммигрантов из исламских стран в белорусское общество // *Социология*. 2013. № 2.

Алейникова С.М. «Русский мир» в представлениях белорусской студенческой молодежи // *Научный результат. Серия: Социология и управление*. 2015. Т. 1. № 2 (4).

Аязбекова С.Ш. Язык и письменность как средства сохранения и передачи культурных ценностей во времени и пространстве (на примере тюркского языка и орхоно-енисейской письменности) // *Language Means of Preservation and Development of Cultural Values: LXX International Research and Practice Conference* / Ed. by V. Pavlov. 2013.

Басова А.И. & Синькова Л.Д. Становление документально-художественного жанра в журналистике Светланы Алексиевич // *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2009. № 3.

Беларускае літаратуразнаўства: навукова-метадычны зборнік. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2002.

Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011.

Гарноўская В.Ю. Гуманістычная ідэя і яе рэалізацыя ў кнізе С. Алексіевіч «У вайны не жаночае аблічча» (выданні 1983 і 2004 гг.) // *Беларускае літаратуразнаўства. Вып. 6*. Мінск: Паркус плюс, 2008.

Генчэль Г. & Тэш С. Трасянка: у якой ступені яна «руская», «беларуская» або «агульная»? (на матэрыяле маўленчай практыкі адной сям'і) // *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2007. № 1.

Головки Ж.С., Свистунова А.С. & Степанова О.А. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность // *Молодежь и кооперация: реальность и будущее*: Материалы международной научной конференции. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2011.

Григорьева Р.А. & Касперович, Г.И. Русский и белорусский языки: статус и ареалы распространения // *Белорусско-русское пограничье: этнологическое исследование*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005.

Гринберг С.А. О коммуникативной витальности русского и белорусского языков в условиях билингвизма // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2014. № 3.

Губогло М.Н. *Языки этнической мобилизации*. М.: Языки славянской культуры, 1998.

Давыдик О.И. Белорусское национальное самосознание на современном этапе: проблема поиска методологических оснований исследования // *Вестник Полоцкого государственного университета*. Серия Е: Педагогические науки. 2013. № 15.

Зернов Д.В., Иудин А.А. & Овсянников А.А. Молодежь на обломках СССР (1991-2013 гг.) // *Наука и школа*. 2015. № 2.

Изотов А.И. [Рецензия:] Калита И.В. Современная Беларусь: языки и национальная идентичность. —Ústí nad Labem: PF ÚJEP, 2010 // *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология. 2013. № 3.

Изучение и преподавание русского языка как национально-культурной ценности: Материалы научно-методической конференции / Науч. ред. Стернин И.А. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1997.

Информация о миграционной ситуации в Республике Беларусь // Web. <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=9871>. Accessed May 20, 2016.

Калита И.В. *Современная Беларусь: языки и национальная идентичность*. Ústí nad Labem, 2010.

Калмыцкий язык как интеллектуальная ценность и учебный предмет: Материалы республиканской научно-практической конференции. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2009.

Колдасов Г.Д. Русский язык как духовная ценность // *Интеграция образования*. 2001. № 1.

Коряков Ю.Б. *Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций*: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Кузиванова О.Ю. Проблема государственных языков в свете концепта этнической мобилизации // *Исторические, философские, политические и юридические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 9-2 (35).

Лагута О.Н. Современный русский приходской дискурс: пародийность, эклектичность, жаргонизация // *Сборник трудов IV Международной научной конференции «Современные проблемы славянской филологии: глобализация и обучение русскому языку»*. Тайбэй, 2012.

Левяш И.Я. Регионы Беларуси: социокультурное измерение // *Псковский регионологический журнал*. 2015. № 22.

Лисковец И.В. *Русский и белорусский языки в Минске (проблемы билингвизма и отношения к языку)*: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

Лукашанец А.А. Современное состояние и тенденции развития славянских языков (белорусский язык) // *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология. 2009. № 5.

Мальцева Н.А. Коми-пермяцкий язык как историко-культурная ценность // *Новое в науке: современные проблемы и тенденции*: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. А.И. Вострецова. Б.м., 2015.

Маслова В.А. Витебская региональная лингвистика или диалектология? К проблеме варьирования языка // *Наука — образованию, производству, экономике*: Материалы XXI Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов / Гл. ред. И.М. Прищепа. Витебск, 2016.

Маслова В.А. *Лингвокультурология*. М.: Академия, 2001.

Мечковская Н.Б. *Социальная лингвистика*. М.: Аспект-Пресс, 2000.

Мячкоўская Н.Б., Лепешаў І.Я. & Сцяцко П. Навошта аднаму народу дзве азбукі? (Кірыліца і лацінка ў калізіях беларускага Адраджэння) // *Беларуская мова. Хрэстаматэя. Вучэбны дапаможнік*. Мн.: Юніпресс, 2005.

Мячкоўская Н.Б. Трасянка ў кантынууме беларуска-рускіх ідыялектаў: хто і калі размаўляе на трасянцы? // *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2007. № 1.

Мячкоўская Н.Б. У лінгвістычнай лабараторыі прафесара Генчэля: метады і вынікі даследавання трасянкi // *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2013. № 2.

Науменко Л.И. *Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика*. Минск, 2012.

Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. // Web. demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/pdf/nac_prog.pdf. Accessed May 5, 2015.

Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010.

Президент Эстонии: Русскоязычные не хотят стать частью России // Web. <http://www.dw.com/ru/>. Accessed May 20, 2015

Русецкая В.И. Особенности социокультурной идентичности белорусов // *Социологический альманах*. 2014. № 5.

Русский язык как интеллектуальная ценность и как учебный предмет: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2008.

Русскоязычная литература Беларуси / Отв. ред. С.Я. Гончарова-Грабовская. Минск, 2010.

Самойлова Г.С. Язык как ценность: научное наследие Н.Д. Русинова и современность // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2013. № 6-2.

Сивакова Н.А. Особенности композиции книги С. Алексиевич «У войны — не женское лицо...» // *Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины*. 2004. № 5 (26).

Словарь социолингвистических терминов / Под ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006.

Стернин И.А. Русский язык как национально-культурная ценность: новый подход в обучении русскому языку // *Вестник ВОИПКРО*. 1999. № 4 (1).

Хруслов Г.В. Языковое планирование: ирландский опыт // *Решение национально-языковых вопросов в современном мире* / Под ред. Е.П. Чельшева. СПб.: Златоуст, 2003.

Чарота И. О реально значимом и оптимальном статусе русского языка вне России (На основе опыта Беларуси) // *Слово.ру. Балтийский акцент*. 2012. Вып. 2.

Чаусов Ю. *Беларусь — не проект! Нечаянный успех и неоконченная история синтетического национализма* // Web. <http://inbelhist.org/?p=2467>. Accessed May 20, 2015.

Чуханова А.В. Соотношение понятий «родной язык» и «национальный язык» в условиях белорусско-литовского пограничья // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2013. № 17.

Шабыков В.И. & Кудрявцева Р.А. Родной язык как этническая ценность марийцев (гендерный аспект) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-2 (46).

Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. & Казанцев Д.Е. Язык как этническая ценность (к вопросу об этнической природе общественного сознания населения республики Марий Эл в начале 2010-х годов) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-2 (40).

Эта бедная Белая Русь, 2006. Web.
<http://www.lechaim.ru/ARHIV/175/VZR/m01.htm>. Accessed May 20, 2015.

Яковлева Е.В. Дилеммы системы вуз: язык как ценность vs языка как способа коммуникации // *Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії*. 2013. № 53.

Яковлева Р.Ф. Язык как главная культурная ценность народа // *Актуальные проблемы лингвистики — 2014*: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных / Отв. ред. Х.С. Шагбанова. Тюмень, 2014.

V

價值體系特色：
語言國情與方法研究

**Axiological Dominants: Cultural and
Methodical Approaches**

**Ценностные доминанты:
лингвострановедческий и методический
аспекты**